

Мазалова Наталья Евгеньевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела
этнографии восточных славян и народов
Европейской России
Музея антропологии и этнографии
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

ЗЛОЙ КОЛДУН: ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЗИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация:

В статье проводится семантический анализ особенностей мифологизированной личности русского социума – колдуна, черты характера которого в значительной мере определяются традиционными верованиями. Многие из особенностей образа этого ритуального специалиста восходят к представлениям о его связи с потусторонним миром. Некоторые черты колдуна носят оценочный характер и возникают как реакция на отправление им архаических обрядов, утративших смысл.

Ключевые слова:

колдун, мифологизированная личность, мифологические представления, обряды, семантический анализ.

Mazalova Natalia Evgenyevna

PhD in History,
Senior Research Associate,
Department for Ethnography of Eastern Slavs
and Peoples of European Russia,
Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences (St. Petersburg)

THE EVIL SORCERER: FEATURES OF MYTHOLOGIZED PERSONALITY

Summary:

The article carries out a semantic analysis of characteristics of such a mythologized personality of the Russian society as a sorcerer. The sorcerer's features are considerably determined by the traditional beliefs, most of the characteristics originate in ideas of the sorcerer's relation with the other world. Some of the features have an evaluative nature and occur as a reaction to performance of archaic rites, which have completely lost their meaning.

Keywords:

sorcerer, mythologized personality, mythological ideas, rites, semantic analysis.

В настоящее время исследователи более или менее едины во мнении о том, что личность связана с культурой. В значительной степени это относится к колдуну – «знаковой» личности традиционного общества. Рассказы о сибирском колдуне Кирике Захаровиче [1] удивительно похожи на повествование о карельском колдуне Михеевиче [2]. Вместе с тем для жителей конкретного сибирского села и деревни в Карелии это «их» колдуны, деяния и чудеса которых воспринимаются как исключительные, происшедшие именно у них, исключительными магическими способностями наделен именно их местный колдун. В соответствии со взглядом «изнутри» традиции, любой «знающий» – это конкретный индивид, с его деяниями, с определенными особенностями характера, устремлениями, наклонностями.

При исследовании личности русского колдуна я предлагаю использовать термин «мифологизированная личность» [3]. В произведениях сказочной прозы данное определение предстает как сочетание свойств, выработавшихся на основе традиционных мифологических представлений, но, что важно, воспринимаемых внутри традиции как черты, принадлежащие исключительно этой личности, а также характерных реальной личности. В статье рассматриваются психологические особенности колдуна, связанные с этнической культурой, восходящие к различным верованиям, прежде всего – с представлениями о маргинальности колдуна.

Колдун наделен способностью вступать в контакт с потусторонним миром, то есть нарушать границу между социальным и природным. Он связан как с человеческим миром, так и с миром природы, что проявляется, прежде всего, в их образе жизни. Колдуны нелюдимы, их характеризуют следующим образом: «живет как бирюк (волк)», «как медведь в берлоге», приписывают черты животных. Кроме того, «худой человек (колдун – Н.М.) живет замкнуто, от людей хоронится, в церковь не ходит, людей сторонится, Богу не молится» [4, с. 302].

В соответствии с архаическими представлениями, большинство колдунов относятся к категории людей, слово, мысли или само присутствие которых является негативным для окружающих. Обычно такие люди обладают определенным набором особенностей характера: злые, тяжелые в общении, злопамятные, хитрые, скупые, завистливые, необщительные, неоткровенные. Их присутствие влечет за собой вред, неудачу, болезни.

Чаще всего в произведениях мифологической прозы колдун характеризуется как злой. Злость – его постоянное качество, описанное в заговорных текстах: «злой лихой человек кол-

дун, колдуница». «Злой» – емкое, многозначное понятие; оно характеризует различные стороны личности «знающего». Сопоставление слов со значением «зло» в словаре В.И. Даля показывает близость многих слов: зло – *худое, лихое, плохое, лютое, жестокое и другое*.

«Злой» в характеристике колдуна означает, прежде всего, дурное свойство, качество, черту характера, порок: «сердитый, гневливый, свирепый, жестокий». О злобном характере свидетельствует выражение его лица и, прежде всего, глаз: они у колдуна «злобные», «сердитые». Вот типичный портрет колдуна: «Роста он небольшого, с вечно всклокоченной головой и злыми, хитрыми глазами» [5, с. 520]. Глаза колдуна подтверждают его связь с природой: «волчий» взгляд исподлобья, его глаза часто горят огнем, как глаза мифологических персонажей.

Внешний облик колдуна свидетельствует о чувствах, которых он испытывает к окружающим: злобе, ненависти, антагонизме, – проявляющихся в его отношениях к членам социума. Эти чувства являются основными мотивировками действий персонажа народных меморатов: «Колдуны по злобе своей портят молодых и вселяют в них страх друг к другу, обращая одного, то есть мужа в волка, а жену в медведя, видимых только им одним» [6, с. 320].

В прошлом сама оценка человека соседями как «недоброго» могла послужить поводом для обвинения в колдовстве. Так, в 1820 г. на допросах в Мезенской канцелярии односельчане по поводу обвиняемых в колдовстве свидетельствовали: «имели ли названные лица волшебство, они того не знают, токмо за добрых людей их не признают, понеже по всему видно, что подлинно они напускают на людей икотную болезнь» [7, с. 156]. Оценка личностного качества «злой» совпадает с направленностью деяний колдуна. «Злой» – это также оценка его функций со стороны социума: заключающий в себе зло, причиняющий кому-либо зло, неблагоприятный для кого-либо, приносящий какую-либо беду, неприятности, враждебный членам социума. Колдуны совершают свои деяния, руководствуясь желанием причинить зло, худо окружающим. Одно из диалектных названий колдуна – *злыдарь* [8, с. 297]; *злыдня, злыдни* – обозначение черт, нечистой силы.

Понятие «злой» применительно к колдуну – не только атрибутивная категория, но и процессуальная. Оно подразумевает, что колдун постоянно «творит зло». Определение «злой» не только оценивает колдуна как человека; обычно оно сопутствует результатам его деятельности – порче человека, животного, порче свадьбы: «В Пелгострове был Колич (колдун – Н.М.). Его на свадьбы худо угостили, дак ен спортил молодых. <...> Ой, Колич был злой» [9, с. 105–106].

«Злой» – это, прежде всего, признак природы, животных. Злоба по отношению к людям характеризует мифологических персонажей, духов природы: водяного, лешего, черта – «злых духов». Колдунья в конце жизни утрачивает человеческие признаки и приобретает признаки мифологических персонажей и природы: «Под конец черт совсем старуху замучил: она сделалась как бешеная и злая, как зверь» [10, с. 44].

Несомненно, мотивировка действий колдуна – творить зло, разработаны под влиянием христианства: «Колдун – это человек, вступивший в договор с нечистой силой, вследствие какого договора он пользуется помощью этой нечистой силы во всеми, в чем пожелает. Колдун делает людям исключительно вред, хотя бы он мог делать и добро, но не желает этого, и не делает» [11, с. 197]. Вредоносные акции колдуны совершают под воздействием нечистой силы, которая, по христианским представлениям, постоянно подталкивает человека творить зло.

По христианским представлениям, Бог зла не сотворил, это – деяние дьявола: «Зло – это уклон бытия к небытию, движение к мнимой цели, извращение, ложь, болезнь бытия. Как сила, направленная к небытию, зло всегда разрушительно» [12, с. 20–21].

Христианские представления о зле как «уклонении от истинного пути» совпадают с архаическими; это, прежде всего, подтверждает этимология слова «зло»: «о.-с. *zъlъ* восходит к и.-е. корню *g' huel: ghul* – “изгибаться”, “кривиться”, “изворачиваться”, “кривить душой”; “идти кривыми путями, петлять, спотыкаться, падать» [13, с. 99]. Слово «зло» связано с идеей кривизны, неправильного пути, движения, нестабильности. Таким образом, важнейшее качество колдуна – злость, которая связана с основными понятиями славянской мифологии: кривдой, неправильностью, неистинностью и другое.

В народной традиции колдуна также причисляют к «лихим людям». *Лихой* – постоянное обозначение колдуна в русских заговорах: так, например, *лихой* (колдун) насылает на людей злых духов: «Иду я, раб Божий (имя) из ворот в ворота, в чистое поле, навстречу бегут семь духов: все злые, все черные, все нелюдимые. Идите, злые духи, все черные и все нелюдимые, к лихим людям, держите их на привязи, чтобы я, Раб Божий (имя), от них был цел, был здоров и невредим во все путях, дорогах <...> в своем дому и чужом дому» [14, с. 229–230]. «Лихой» – это также обозначение злого духа, сатаны.

«Лихой» – также смелый, решительный. По народным представлениям колдунами становились очень храбрые люди. Храбрость колдуна проявляется во время прохождения обряда

инициации, который требует от неопфита огромного мужества, напряжения душевных сил: «Это трудно знать. Потому что, если кому надо, чтобы человек передал, дак надо, чтобы который хочет чтобы кой-что знать, дак надо не пугаться. Ведь ему все привидения покажут. А если ты маленько струсил, значит, ты не в силах будешь эту власть принять» [15, с. 120].

Деревенский колдун, обладающий неформальной властью, нередко находится в оппозиции по отношению к официальной власти: так, карельский колдун Максим Павлович «он такой, в милицию брали: «Вы все равно с меня ничего не возьмете». Он ничего не боится, черти помогают. <...> В войну что-то нашкодил, ничего не наказали» [16]. Однако отношение к храбрости колдуна неоднозначное – это скорее неоправданное, бесшабашное поведение: «Ему сам черт не брат».

Еще одно название колдуна – *худой* (Ярославская губ., Вологодская обл., Восточная Сибирь). Основные функции худых – портить людей, в частности, «сажать килы», «надевать хомуты», насылать на них несчастья: «Худые портят людей, нагоняют на них страшную необъяснимую тоску, человек места себе не находит и страшно худеет» [17]. Слово «худой» в некоторых русских диалектах имеет значение «нечистая сила»; так, в сибирских говорах «худой» – «злой дух, черт, сатана, дьявол» [18, ст. 1243].

«Худое» также определяет «тайные» знания колдуна- направленные на причинение вреда; знахарка, которая успешно лечит от разных заболеваний, противопоставляет свои знания «на добро» – «худым» (колдовским) знаниям: «Мне нельзя, больно горяча, мне нельзя худому учиться» [19, л. 40].

Колдуна часто характеризуют как «хитрого» человека. Хитрость может проявляться как свойство характера; так, крестьянам трудно поймать колдуний, пережинающих поля, поскольку «он хитры», то есть умеют ловчить, обманывать. Хитрость – сложное понятие – это уловка, обман и умение делать что-то, а также «тайное» знание, магическая сила. <...> О знахаре говорят как о «простом человеке» (в значении «простодушный», «искренний», а также «не обладающий колдовскими знаниями»): «Которые похитрее, мы простосердечный народ» [20, л. 4].

«Колдун-обманщик» – постоянная характеристика колдуна. Распространенный мотив быличек – «колдун морочит» [21]. Эта особенность также характеризует и мифологических персонажей; так, леший обманывает или леший «водит» и т.п.

Колдун груб с окружающими, склонен к конфликтам, часто ссорится с односельчанами. В народных представлениях, грубый – не только невежливый, дерзкий, но и враждебный, причиняющий обиду, вред, ущерб; ссора – это проявление враждебности. Эти же черты колдуна проявляются и на уровне внутрисемейных отношений. В современной деревне такое поведение человека, особенно – женщины, зачастую служит поводом для обвинения в колдовстве.

Колдуна нередко характеризуют как гордого человека. Колдун кичится тем, что он обладает «тайным» знанием, он держится с окружающими высокомерно, надменно, спесиво: «Колдуна часто представляют угрюмым, молчаливым, необщительным. Он <...> к людям относится свысока» [22, с. 180]; «Люди они (братья Салмины – колдуны – Н.М.) были зажиточные, но очень гордые, односельчане их не любили» [23]. Гордый – «осознающий свое превосходство»; ощущать свое превосходство над другими колдуну позволяет обладание «тайным знанием». Гордость также характеризует сатану.

Колдуны честолюбивы. Нередко мотивом того, что человек становился колдуном, было стремление к власти над людьми. Владение «тайным» знанием и связь с «иным» миром позволяет колдуну требовать от окружающих оказания почета и уважения; как выразилась одна из моих карельских информаторов, «ему в чести надо быть». Колдун требует правильной оценки его достоинств и знаний со стороны окружающих взамен на оказание услуг: контактов с потусторонним миром. Это выражается и в оплате его услуг. Колдун всегда требует плату за отправление магических практик. Плата – архаический элемент обряда: происходит обмен ритуальной услугой и какими-то дарами. В поздних мифологических рассказах нередко описано, что колдун использует свои знания в корыстных целях и требует за это плату.

Колдун тщеславен и хвастлив: «Степка Колдунчик хвастался, что с чертями знает» [24, л. 35]; колдун Григорий после того, как кого-то испортит, «хвалится»; обещает «испортить насмерть» [25, с. 71]. Колдун неумеренно восхваляет свои магические способности, зачастую преувеличивая их, он считает, что ему подвластно все на свете; так, он уверяет, что может оживить мертвого: «Захочу – и мертвого подниму этой водой <...> только у вас состояния не хватит со мной расплатиться» [26].

Некоторые черты характера проявляются в отношении к вещам, к собственности. Колдун жаден, все время что-то просит и не хочет отдавать; что возьмет, не отберешь; у него «к рукам прилипает». Так, в карельской деревне мне так охарактеризовали жадную колдунью: «Бей по рукам, не выпадет». Значение слова «жадность» – ощущение недостатка в чем-либо; желание, тоска, стремление к чему-либо. Стремление колдуна постоянно забирать какие-либо вещи у

людей основано на том, что, по народным поверьям, с вещью можно забрать у человека счастье, достаток, здоровье: «На чистый четверг нельзя никому ничего давать, а то порчу могут наслать, попортят и тебя и животину и все. Ничего не давай, особенно соли, это самая страшная порча будет. Не давай из дому ничего, а то с порчей вернут. Самое время такое, на страшной неделе, это ихний день, колдунский, заповедный, они его специально дожидаются» [27].

Колдуны нарушают сексуальные запреты традиционного общества. Пользуясь своей властью, они вступают в сексуальные связи со многими односельчанками. Так, пошехонский колдун и знахарь Петр Васильевич Туров, который занимался отгадыванием воров, лечением, ворожбой, «был сильно охочь, по выражению крестьян, до женского пола» [28]. У колдуна обычно много любовниц, он легко расстается с ними. В конце 80-х гг. в одной из деревень на Пинеге нам рассказывали о бывшем председателе колхоза, которого считали колдуном (нам показали его: и в 70 лет это был властный жесткий эффектный старик). Сексуальным домогательствам с его стороны подвергались многие колхозницы. Показывали и одну из жертв, посмевавшую отвергнуть его, после чего, как считают односельчане, он наслал на нее порчу: у женщины отсохла рука. Ср.: сластолюбие – также отличительная черта чертей.

Представления об особенностях личности колдуна связаны с направленностью их деятельности. Основная функция колдуна – причинять зло, вред, портить. Колдун может испортить человека, животных, посева, а также молодых. Образ колдуна в мифологических рассказах имеет чрезвычайно архаические черты. Он является руководителем свадебного обряда. Исследование мотивов свадебной порчи показало, что представления о ней основаны на архаических представлениях обрядов предшествующих эпох. Колдун намеренно умерщвляет жениха и невесту, превращает их в животных, препятствует соитию в первую брачную ночь и т.д. Он временно возвращает жениха и невесту в природное состояние, чтобы затем они «родились» как новые члены социума. Колдун связан с производящей силой природы и передает ее молодым [29, с. 120–140].

Отправление колдуном архаических обрядов, ставших непонятными, рассматривается как причинение им вреда участникам обряда, а сам колдун – как злой, обидчивый, мстительный человек. Непонятным стало стремление колдунов к нормативному проведению свадебного обряда в своем социуме, его связь с производительными силами и, кроме того, необходимость получения награды за отправление магических практик.

Многие особенности личности колдуна в соответствии с христианской традицией, рассматриваются в народной традиции как грехи. По народным представлениям, колдун – личность глубоко греховная. Грех – уже одно то, что он стал колдуном, отрекся от Бога, как известно, нередко обряд посвящения включает отречение об Бога, поправление креста. В разряд смертных грехов относят также и другие его характеристики, в частности, магические практики, направленные на причинение вреда человеку, вследствие которых наступала его смерть: богоотступничество, колдовство, убийство, прелюбодеяние.

Мучительную смерть колдуна рассматривают как расплату за грехи. Так, костромской колдун Ирипарха «лет 40 не бывал у святого причастия, помер в жестоких мучениях 65 лет от роду в 1896 г. Уверяют жители Шанско-Городищенской, в церкви при жизни этого колдуна выдали в Пасху в церкви много раз не похожим на человека, а на востроголова черта» [30, с. 89].

В духовном стихе о Страшном Суде колдунам уготовано место в аду среди нераскаявшихся грешников – разбойников, убийц и других:

«Татьи пойдут во великий страх;
Разбойники пойдут в грозы лютые,
А чародеи все изыдут в дьявольский смрад» [31, с. 231].

Первоначальное значение слова «грех» близко значению слова «зло»: уклонение от прямого пути, несоответствие норме. В древнерусском языке грех сопоставимо со злом, только зло характеризует уклонение в отношении к людям, а грех – в отношении к Богу [32, с. 104]. Обычно к греху склоняет нечистая сила: «Если человека поймали на преступлении, например, в краже, или убийстве, то преступник в этом случае высказывает: “Это грех меня попутал, соблазнил меня дьявол”. Народ ему говорит: “Это тебя попутало, не почитал своих родителей, за то тебя Бог обличил”» [33].

С течением времени понятие греха стало сложнее, оно является не только религиозно-этической категорией, но и этической: «Грех характеризует свойства и качества личности, ее поведение и взаимоотношения с окружающими» [34, с. 303]. Так, к смертным грехам относятся и некоторые особенности характера колдуна: злоба, гнев, гордость и другое [35, с. 22].

Колдун – сложная многогранная личность. Он играл значительную роль в жизни традиционного социума. Общество одобряло его контакты с потусторонним миром, если они были направлены на благо коллектива. Если его деяния причиняли вред ближайшему окружению, они вызывали негативную реакцию и приводили к наделению его отрицательными личностными характеристиками. Этому также способствовало отправление колдуном обрядов, смысл которых был утрачен. Несомненно, негативное отношение православной церкви к этим ритуальным специалистам также повлияли на сложение образа русского колдуна.

Ссылки:

1. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. № 297, 298, 306 и другие. Новосибирск, 1987.
2. Полевые материалы автора // Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (далее – АМАЭ). Ф. К-1. Оп. 2. Л. 14. № 1881. Республика Карелия. Сеgezский р-н., пос. Валдай.
3. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и проблемы киноискусства. Таллин, 1973.
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. Даниловский, Любимский, Романо-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб., 2006.
5. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. II. СПб., 1893.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 4. Нижегородская губерния. СПб., 2006.
7. Беляев И.С. Икотницы и кликуши: к истории русских суеверий // Русская старина. Т. 122. 1905.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов (Ин-т рус. языка АН СССР, словарный сектор). Т. 11. М., 1999.
9. Памятники русского фольклора Водлозерья: предания и былички / сост. В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997.
10. Колчин А. Ворования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3–4.
11. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. Пошехонский уезд. СПб., 2006.
12. Епископ Александр (Семенов Тянь-шанский). Православный катехизис. М., 1990.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 2008.
14. Попов Г. Русская народно-бытовая медицина // По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.
15. Кузнецова В.П. О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992.
16. Мифологические рассказы русского ... С. 48.
17. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы ... Т. 2. Ч. 2. С. 302.
18. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. В 4-х т. Т. 4. СПб.; М., 1912.
19. АМАЭ. № 1561. Архангельская обл., Шенкурский р-н.
20. АМАЭ. № 1618. Архангельская обл., Вельский р-н.
21. Мифологические рассказы русского ... С. 324.
22. Никитина Н.А. К вопросу о русских колдунах // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1994.
23. Беляев И.С. Указ. соч. С. 146.
24. АМАЭ. № 1560. Архангельская обл., Шенкурский р-н.
25. Весин Л. Народный самосуд над колдунами // Северный вестник. 1892. № 9. Отд. 2.
26. Попов Г. Указ. соч. С. 84.
27. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. № 325. СПб., 1996.
28. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы ... Т. 2. Ч. 2. С. 200.
29. Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности русского «знающего». СПб., 2011.
30. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губерния. СПб., 2004.
31. Корифнский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901.
32. Колесов В.В. Древняя Русь. Наследие в слове. Бытие и быт. СПб., 2004.
33. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы ... Т. 1. С. 75.
34. Козина Н.О. Грех // Антология концептов. М., 2007.
35. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1960.

References:

1. Zinoviev, VP (comp.) 1987, *Mythological stories Russian population of Eastern Siberia*, no. 297, 298, 306 and others, Novosibirsk.
2. 'Field materials of the author', *Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great, Russian Academy of Sciences (hereinafter – AMAE)*, f. k-1, op. 2, l. 14, no. 1881, Republic of Karelia, Segez district, Valdai.
3. Lotman, YM 1973, *Semiotics of culture and cinematography problems*, Tallinn.
4. *Russian peasants. Life. Mores. Materials of "Ethnographic Bureau" of Knyaz VN Tenishev* 2006, vol. 2, Yaroslavl Province, part 2, Danilovsky, Lyubimsky, Romano-Borisoglebsky, Rostovsky and Yaroslavsky counties, St. Petersburg.
5. *Materials for the study of Russian language and way of life of the population of the Northwest Territory, collected and presented in the order of PV Shane* 1893, vol. II, St. Petersburg.
6. *Russian peasants. Life. Mores. Materials of "Ethnographic Bureau" of Knyaz VN Tenishev* 2006, vol. 4, Nizhny Novgorod province, St. Petersburg.
7. Belyaev, IS 1905, 'Ikotnitsy and hysterical: the history of Russian superstitions', *Russian old*, vol. 122.
8. Filin, FP & Sorokoletov, FP (ed.) 1999, *Dictionary of Russian folk dialects*, Russian Institution of Language, USSR Academy of Sciences, vocabulary sector, vol. 11, Moscow.
9. Kuznetsova, VP (comp.) 1997, *Russian folklore Monuments of Vodlozerie: traditions and bylichki*, Petrozavodsk.
10. Kolchin, A 1899, 'Beliefs peasants of Tula province', *Ethnographic Review*, no 3-4.

11. *Russian peasants. Life. Mores. Materials of "Ethnographic Bureau" of Knyaz VN Tenishev* 2006, vol. 2, Yaroslavl Province, part 1, Poshehonsky county, St. Petersburg.
12. Bishop Alexander (Semenov-Tian-Shansky) 1990, *Orthodox catechism*, Moscow.
13. Fasmer, M 2008, *Etymological dictionary of the Russian language*, vol. 2, Moscow.
14. Popov, G 1903, 'Russian folk medicine, household', *According to the materials of ethnographic Bureau of Knyaz VN Tenishev*, St. Petersburg.
15. Kuznetsov, VP 1992, 'Functions wizard in Russian wedding ceremony of Zaonezhye', *Zaonezhsky compilation*, Petrozavodsk.
16. Zinoviev, VP (comp.) 1987, *Mythological stories Russian population of Eastern Siberia*, no. 297, 298, 306 and others, Novosibirsk, p. 48 .
17. *Russian peasants. Life. Mores. Materials of "Ethnographic Bureau" of Knyaz VN Tenishev* 2006, vol. 2, Yaroslavl Province, part 2, Danilovsky, Lyubimsky, Romano-Borisoglebsky, Rostovsky and Yaroslavsky counties, St. Petersburg, p. 302.
18. Dahl, VI 1912, *Explanatory Dictionary of Russian Language*, in 4 vols., 4th vol., St. Petersburg, Moscow.
19. AMAE, no. 1561, Arkhangelsk region, Shenkursky district.
20. AMAE, no. 1618, Arkhangelsk region, Belsky district.
21. Zinoviev, VP (comp.) 1987, *Mythological stories Russian population of Eastern Siberia*, no. 297, 298, 306 and others, Novosibirsk, p. 324.
22. Nikitina, NA 1994, 'On the Russian wizards', *Russian witchcraft, sorcery*, St. Petersburg.
23. Belyaev, IS 1905, 'Ikotnitsy and hysterical: the history of Russian superstitions', *Russian old*, vol. 122, p. 146.
24. AMAE, no. 1560, Arkhangelsk region, Shenkursky district.
25. Vesin, L 1892, 'People's lynch the sorcerers', *Northern Herald*, no. 9, dep. 2.
26. Popov, G 1903, 'Russian folk medicine, household', *According to the materials of ethnographic Bureau of Knyaz VN Tenishev*, St. Petersburg, p. 84.
27. Cherepanov, OA (comp.) 1996, *Mythological stories and legends of the Russian North*, no. 325, St. Petersburg.
28. *Russian peasants. Life. Mores. Materials of "Ethnographic Bureau" of Knyaz VN Tenishev* 2006, vol. 2, Yaroslavl Province, part 2, Danilovsky, Lyubimsky, Romano-Borisoglebsky, Rostovsky and Yaroslavsky counties, St. Petersburg, p. 200.
29. Mazalova, NE 2011, *Ethnographic studying aspects of Russian "knowing" personality*, St. Petersburg.
30. *Russian peasants. Life. Mores. Materials of "Ethnographic Bureau" of Knyaz VN Tenishev* 2004, vol. 1. Kostroma and Tver Provinces, St. Petersburg.
31. Korifnsky, AA 1901, *People's Russia. Year round legends, superstitions, customs and proverbs of the Russian people*, Moscow.
32. Kolesov, VV 2004, *Ancient Russia. Heritage in the word. Existence and everyday life*, St. Petersburg.
33. *Russian peasants. Life. Mores. Materials of "Ethnographic Bureau" of Knyaz VN Tenishev* 2004, vol. 1. Kostroma and Tver Provinces, St. Petersburg, p. 75.
34. Kozina, NO 2007, 'Sin', *Anthology of concepts*, Moscow.
35. Ashukina, N & Ashukina, MG 1960, *Winged words*, Moscow.